

Н.В.Пращерук

ПОЭЗИЯ ПРЕДСТОЯНИЯ ВЛАДИМИРА ЯКОВЛЕВА

Анализируется корпус стихов В.Г.Яковлева (1952—2016), объединенных темой и ситуацией предстояния — испытания человека перед лицом приближающейся смерти, перед Богом. Эта ситуация становится определяющей для лирического героя, высвечивает его духовное состояние и духовный опыт, диктует характер образности, интонацию, стилевые формы. Показывается, что тема физического страдания не уходит, но, в отличие, например, от «Последних песен» Н.А.Некрасова, претворяется в свет, в торжество духа. Это связано с переживанием героем кенозиса Христа и Богородицы и стяжанием им самим «нищеты духовной», открывающей путь к блаженству, к полноте жизни в Боге, к Царствию Небесному, которым побеждается смерть.

Ключевые слова: В.Г.Яковлев, Н.А.Некрасов, Ф.И.Тютчев, лирика, духовность, предстояние, кенозис, лирический сюжет, образность

Имя поэта Владимира Геннадьевича Яковлева (1952—2016) известно немногим. Это объясняется не столько переживаемым сегодня подъемом поэтического творчества в целом, обилием достаточно ярких поэтических индивидуальностей, среди которых легко затеряться, сколько обстоятельствами его личной и творческой судьбы. В.Г.Яковлев прожил большую многотрудную жизнь: был рыбаком, солдатом, спортсменом, переводчиком, редактором и издателем книг. В 1989 году он выпустил сборник стихов «На границе времен» [1] со знаковым эпиграфом «Погибнет Волга — погибнет Россия», в котором не только названа малая его родина, но и обозначен основной пафос его лирики. Затем был 25-летний период молчания, и в 2014-ом — второе рождение поэта. За два года, предшествующие кончине, когда поэт был уже серьезно болен и знал о тяжести собственного заболевания, он написал около 100 стихотворений, которые по праву должны войти в золотой фонд русской поэзии XX—XXI веков.

По своей направленности и смысловому наполнению лирика Яковлева глубоко укоренена в традициях классической русской поэзии, связанной, казалось бы, с такими разными поэтами, как Некрасов и Тютчев. Однако не будем забывать, что гениальный поэт-философ — автор стихотворения «Эти бедные селенья...», которое неискушенный читатель часто ассоциирует именно с Некрасовым. Поэзия Яковлева — как раз пример глубинного схождения этих двух питающих русскую поэзию традиций. Философичность осмысления собственной судьбы и судьбы своих соотечественников, уводящая в глубины мифологии, религии, культурного символизма, соединяется с сильным лирическим чувством, обнаженностью боли за человека, за Родину.

Особое место в лирике 2014—2016 [2] годов занимают стихотворения, объединенные темой и ситуацией предстояния. Именно ситуация предстояния — испытания человека перед лицом приближающейся смерти, стояния перед Богом («Все бо предстанем судилищу Христову» [3]) становится определяющей для лирического героя, высвечивает его духовное состояние и духовный опыт, диктует характер образности, интонацию, стилевые формы. Отчетливое понимание происходящего, мужественное и мудрое его принятие без тени саможаления подчеркиваются сдержанной констатирующей тональностью, простотой языка: «Закрываю свои уста. / Осеняю себя крестом. / Закатилась моя звезда / И погасла в окне пустом. / Ничего больше в мире нет / Да и не было никогда — / Только ясный небесный свет, / Только горняя высота» (225); «С радостью, с молитвами Христовыми / Ухожу на все четыре стороны. / С мокрыми ветрами и сиренями / Ухожу за все четыре времени...» (226). «С радостью» — это не рисовка, не бравада, это обозначение особого состояния преодоленного, преображенного в духе страдания, дающего человеку стяжанием «сердца сокрушенного и смиренного» («Сердце сокрушенно и смиренно Бог не унижит», Пс. 50).

Русская традиция знает поэзию, связанную с переживанием близкого ухода. Однако трудно подыскать сходные именно по тональности поэтические циклы. Конечно, в качестве сопоставления закономерно вспоминаются «Последние песни» Некрасова. Д.С.Мережковский в своей известной работе очень верно охарактеризовал специфику этой лирики-стона: «“Двести уж дней / Двести ночей / Муки мои продолжаются, / Ночью и днем / В сердце твоём / Стоны мои отзываются”. И в нашем сердце тоже. Читая это, мы об искусстве не думаем: слишком живо, слишком больно — этого почти нельзя вынести. И только потом, вспоминая, чувствуем, что это предел искусства, тот край, за который оно переливается, как чаша, слишком полная» [4]. Предел и прикосновение к глубине подлинности, высшая точка, где «кончается искусство и дышат почва и судьба». Таким же дыханием подлинности, обнаженностью экзистенциальной проблематики отличается и лирика Яковлева. Однако ее определяющая интонация иная — это не стон, не желание избавиться от тяжких мук («Жадно желаю скорей умереть»; «Черный день! / Как нищий просит хлеба, / Смерти, смерти я прошу у неба, / Я прошу ее у докторов, / У друзей, врагов и цензоров, / Я взываю к русскому народу: / Коли можешь, выручай! Окуни меня в живую воду / Или мертвой в меру дай» [5]). Тема физического страдания не уходит («Реанимация», «Возвращение», «Увидел заплаканных дочь и жену...», «Смертью тронут, жизнью трачен...»), но претворяется — здесь и сейчас — в свет, в торжество духа. Это не метафора. Дух, духовность трактуются

нами в соответствии с апостольской и святоотеческой традицией: «...не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его. А нам Бог открыл *это* Духом Своим; ибо Дух все проникает, и глубины Божии...бо кто из человеков знает, что в человеке, кроме духа человеческого, живущего в нем? Так и Божьего никто не знает, кроме Духа Божия. Но мы приняли не духа мира сего, а Духа от Бога, дабы знать дарованное нам от Бога, что и возвещаем не от человеческой мудрости изученными словами, но изученными от Духа Святого, соображая духовное с духовным. Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает это безумием; и не может разуметь, потому что о сем *надобно* судить духовно» (1 Кор, 2, 10-16). Митрополит Иерофей (Влахос) поясняет: «Духовный человек четко отличается от человека душевного. Духовным является тот, который имеет в себе действие Святого Духа» [6]. Отправной точкой для анализа может послужить переложение Яковлевым молитвы ко Святому Духу, написанное в самом начале второго периода его творчества: «Дух святой, Господь Животворящий, / Царь Небесный, возносящий ввысь, / и Податель жизни, в нас звенящий, / И Хранитель Истины — явись! / Как ты нужен, Светозарный, ныне! / Так сойди же и вселися в ны, / Погибающих в пустой гордыне / Посреди оболганной страны!» (159). Стихотворение носит программный и знаковый характер. В отличие от других стихов, оно исполнено высокой патетики и выполнено в лучших традициях жанра. Это призывание Святого Духа, моление о помощи сознающего свою духовную немощь лирического героя. Характерно, что герой говорит не только от своего лица, но и от имени соотечественников, «погибающих в пустой гордыне посреди оболганной страны». Болезнь духа названа, обозначен путь исцеления — необходимо принять в себя Духа Божия, освободив для Его пребывания («вселения») пространство своей души.

Очевидно, что трактовать поэзию, руководствуясь критерием четкого разделения душевного и духовного — дело немыслимой сложности, и, вероятно, почти невозможное в литературоведческом исследовании. И все же. По контрасту с тематически сходными стихами (или циклами стихов) других поэтов, в частности, упоминаемого ранее Некрасова, лирический герой Яковлева остро ощущает присутствие Бога рядом с собой («Когда душа твоя, как смертница в исподнем, / Еще стоит, дрожа, в присутствии Господнем» (183)), живет подтекстом искренним, безоговорочным доверием к Нему, «сокрушенным сердцем» принимает всё, что «попущено» ему Божией волей: «Скажет: «Пасти коз поди!», / Ответчу: Спаси, Господи!» (251). Такое редкое сегодня переживание ценностно и интонационно объемлет всю лирику последних лет и становится основой лирических сюжетов большинства написанных в этот период стихотворений: «Трудятся ночные рыбаки — / Тянут невод от зари и до зари / По старинной, по равнинной той реке, / Что лежит у Господа в руке (...) Довезет меня туда паром / В предраассветном воздухе парном. / Будет в вербах розоветь восход, / А на берегу встречать Господь» (197, 198) («Трудятся ночные рыбаки»); «Но Господь в пространствах горних / Видит нас сквозь здешний свет» (220) («Ветер»); «А когда станет в небе светать, / Будем невод по небу метать - / И выцеживать звездную медь, / И вытягивать легкую смерть. / И держать перед Богом ответ / За весь этот неправедный свет» (222) («Будем»); «Как будто тихо здесь прошел Христос, / И стал весь мир прозрачней и смиренней» (211) («Мамины цветы») и др. Тютчевская тема особой Божией милости русской земле, ее благословения («Всю тебя, земля родная, / В рабском виде Царь Небесный исходил, благословляя») продолжается «хождениями» Богородицы: «Ходила Богородица по мукам, / По адовым кругам — и с каждым кругом / Всё меньше оставалось бранных сил. / И плакала сердешная...» (148) («Ходила Богородица по мукам»). Предельной простотой лексики и образных средств воплощается переживание героем кенозиса Христа и Богородицы и стяжание им самим «нищеты духовной», открывающей путь к блаженству, к полноте жизни в Боге, к Царствию Небесному, которым побеждается смерть: «А речь о том, что смерти нет, / А есть лишь этот Божий свет...» (175).

Тема света становится в конце концов определяющей, венчающей, она развернута многоаспектно, поддержана щедрой образностью и символикой, цветовыми акцентами: «Стих на мгновение ветер, задувший / Лампу... Но ширится свет, / Прямо с небес протекающий в души...» (219). Стихотворение «Свете тихий» прямо связано с известным молитвенным песнопением вечерни, прославляющим Христа, явившего человечеству тихий свет Божественной славы Своего Небесного Отца. В нем передано особое духовное состояние радостопечалия, когда радость и печаль не сменяют друг друга, а сосуществуют в неразрывности. Отрада сердечного созерцания Божественного света и одновременно пронзительно-щемящее чувство расставания с земной жизнью, ее заката, пребывания «у черты последней самой»: «Свете дивный, свете тихий, / Свете поздний мой, закатный.../ Листьев трепетные блики, / Яблок розовые пятна (...) И далекой птицы крики / У черты последней самой.../ Свете давний, свете тихий, / Незабвенный, несказанный!» (207). Сладость земного и уже отрешение от него.

Стихи, которые можно объединить в августовский цикл («Начинается август стрекозий...», «Преображение», «Август», «Мамины цветы»), наполнены светом Преображения. Их отличает утонченная образность, являющая нам красоту преображенного мира, увиденную и услышанную сердцем преображенного человека. Это и «сладкое солнце на абрикосе», и «васильки среди овсов», и «догогорающий на клумбе георгин», и «дымное струение стрекоз над розами, над астрами, в сирени». Изысканная цветопись соседствует в них с тонкой звукописью, особым образом подчеркивающей обретенную тишину внутреннего мира лирического героя: «Петух меня разбудит в Плесе / в Преображение Господне, / Когда душа о счастье просит, / Преображаясь на восходе. / Когда еще небесный пламень / Плышет огнем неопалимым / Над голубыми куполами / И тонким сводом тополиным» (215). Световая и цветовая символика соединяется в стихах Яковлева с образами, исполненными подчеркнутой телесности, являющими земное («и куст калины у ворот, налитый

ледяною кровью», «это память кирзовым своим сапогом бьет под сердце» и мн.др.), а также с многообразнейшими образами воды, с разветвленной водной символикой («у самого края, у мертвой воды», «плывет моя утлая лодочка», «и уплыл к нездешним берегам», «по туманам рек», «по стремящейся в бездну реке», «с рекою вместе течь. И в океан с рекою впасть» и мн.др.). Так поэт запечатлевает путь человека к восхождению, показывает выстраданность обретения им духовного видения.

1. Яковлев В.Г. На границе времен. Стихи. М.: Изд-во «Прометей» МГПИ им. В.И.Ленина, 1989. 128 с.
2. Яковлев В.Г. Стихотворения [сост. А.А.Козлачков, Н.В.Пращерук]. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. 268 с. В дальнейшем стихи цитируются по этому изданию с указанием страницы в тексте статьи в круглых скобках.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3. М.: Русский язык, 1982. С. 388.
4. Мережковский Д.С. Две тайны русской поэзии // Мережковский Д.С. В тихом омуте: Статьи и исследования разных лет. М.: Сов. писатель, 1991. С. 427.
5. Некрасов Н.А. Собр. соч.: В 4 т. Т. 3. М.: Изд-во «Правда», 1979. 415 с.
6. Иерофей (Влахос), митр. Православная духовность / Пер. с новогреч. М.: Свято-Троицкая Сергиева лавра, 2009. С. 9.

References

1. Yakovlev V.G. Na granitse vremen. Stikhi. M.: Izd-vo «Prometey» MGPI im. V.I.Lenina, 1989. 128 s.
2. Yakovlev V.G. Stikhotvoreniya [sost. A.A.Kozlachkov, N.V.Prashcheruk]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2017. 268 s. V dal'neyshem stikhi tsitiruyutsya po etomu izdaniyu s ukazaniem stranitsy v tekste stat'i v kruglykh skobkakh.
3. Dal' V.I. Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka. T. 3. M.: Russkiy yazyk, 1982. S. 388.
4. Merezhkovskiy D.S. Dve tayny russkoy poezii // Merezhkovskiy D.S. V tikhom omute: Stat'i i issledovaniya raznykh let. M.: Sov. pisatel', 1991. S. 427.
5. Nekrasov N.A. Sobr. soch.: V 4 t. T. 3. M.: Izd-vo «Pravda», 1979. 415 s.
6. Ierofey (Vlakhos), mitr. Pravoslavnaya dukhovnost' / Per. s novogrech. M.: Svyato-Troitskaya Sergieva lavra, 2009. S. 9.

Prashcheruk N.V. Vladimir Yakovlev's poetry of deisis. The following article contains the analysis of poems by V.G. Yakovlev (1952—2016), dedicated to the topic of deisis — human's ordeal before death, before meeting God. This situation becomes crucial for the lyric character, brightens his spirituality and spiritual experience, defines the specification of his image, tone and style. It is shown that the topic of physical suffering remains, but in contrast with Nekrasov's "Last songs", it turns into the culmination of the spirit. It is connected with the character's experience of Christ and Mary's kenosis and keeping himself in a humility that opens the way to God's blessing and God's kingdom, which is the death defeated with.

Keywords: V.G.Yakovlev, N.A.Nekrasov, F.I.Tyutchev, lyric, spiritual sphere, deisis, kenosis, lyrical plot, imagery.

Сведения об авторе. Н.В.Пращерук — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н.Ельцина; pnv1108@gmail.com.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 05.03.2018.